

ДО СЛЁЗ... Рассказ "Вася". Автор Лошаков В. И.

Он сидел на берегу Байкала против длинных удилещ и обречённо смотрел на мёртвые полавки. Сухой, седоволосый, высокий дед. Я подошёл.

- Что, отец, не клюет?

- Нет, не клюет, - ответил он, вскинув на меня белесые, словно выцветшие глаза.

И по акценту и по виду его я понял, что передо мной иностранец.

- Откуда вы? - спросил я, подсаживаясь к нему.

- Я немец, - ответил он.

- О-о-о, там, наверное, рыбалка получше, чем у нас, там клюет, - сказал я.

Немец опять вскинул на меня глаза и усмехнулся.

- Там рыбалка не та, и рыба не такая, - сказал он.

- Отчего же?

- Там слишком много посредников между тобой и рыбой: удочки - пожалуйста, какие хочешь. И червяка могут насадить, и даже рыбу на крючок подвешат, какую хочешь. Там на каждой рыбе бирка: сколько сантиметров, какой вес и сколько стоит. Там ты несвободен. Всё регламентировано.

Здесь, в России, я могу спокойно поставить палатку на берегу Байкала или в лесу, и никто не придёт и не заявит: этой мой берег, мой лес, убирайся! Здесь я чувствую себя свободным. Я напитываюсь этой свободой. Я не чувствую здесь себя кроликом, загнанным нашей хищной системой в угол. У нас там нет выбора. Здесь - пожалуйста.

Вы, русские, просто не цените то, что имеете, и потому пытаетесь жить так, как на Западе. Вы просто не знаете, к чему стремитесь. Вы не жили там, и вам не с чем сравнить. Все те ценности и блага, которые пропагандирует Запад, это красивая реклама, обещающая рай, но не обольщайтесь. За этой красивой вывеской скрывается ад.

Здесь вот: я и Байкал, я и рыба. Захочет - клюнет. Если поймаю, то в моей воле отпустить её или сварить из неё уха. Я свободен в поступках.

Услышать такое от иностранца было для меня полной неожиданностью.

- И часто вы бываете в России? - спросил я.

- Я люблю Россию, - сказал немец.

- Мне приятно слышать это от вас, - сказал я, - но одно непонятно: обычно все ругают Россию, считая ее дикой страной.

- Я много путешествовал, - сказал немец, - объездил большую часть мира, но нигде такого народа, как в России, не встречал. Вы особый народ, у вас другая душа, другая энергетика. У вас другой, особый дух. Я напиваюсь им, когда бываю в России, и мне хватает этой зарядки на год, иногда больше.

- Тогда почему бы вам совсем не переехать в Россию?

- Я немец, я по духу немец, потому что воспитывался в той среде. Я никогда не стану русским, сколько бы здесь ни жил. Это нужно родиться здесь, жить и воспитываться в этой среде.

- Да, убедительно, - сказал я, - вы, наверное, профессор философии?

- Нет, я инженер-механик. Когда-то давным-давно, когда вас еще на свете не было, будучи студентом, я приезжал в Россию. Мы дружили с русскими студентами. Отсюда и русский язык я выучил. Но связывает меня с Россией не это, а война. Я воевал против вас. Был солдатом вермахта. И тогда я впервые узнал, кто такие русские.

Он замолчал и посмотрел на меня выжидающе. Но я промолчал.

Однажды наша резервная часть зашла в русский городок, который был разрушен нашей артиллерией и авиацией полностью, продолжил он. От домов и зданий торчали остовы. Всё взрослое население городка или сбежало, или было убито. Городок казался мёртвым. Мы стояли здесь неделю, и за это время я не видел ни одного гражданского человека.

Как-то при дележе мне не хватило продовольственного пайка, и я пошёл на склад, чтобы получить его. Иду мимо развалин и вдруг вижу, на глыбе из-под фундамента сидит парнишка лет 10–11 в телогрейке, в суконных штанах, на ногах кирзовые сапоги. А у меня всегда при себе была шоколадка - на всякий случай.

- Эй, мальчик, - позвал я, - иди сюда, на шоколадку.

Он посмотрел на меня ненавидящим взглядом и не тронулся с места. «Не возьмет, — понял, - умрёт, а не возьмёт». Тогда я сам подошёл к нему и положил шоколадку возле него на камень.

Через некоторое время возвращаюсь назад с пайком и вижу такую картину: вокруг паренька собрались семеро малышей от трёх до пяти лет, не больше. И он делит им эту шоколадку. Увидев меня, малыши насторожились.

- Не бойтесь, - успокоил их паренёк, - это добрый немец.

Разделил, а себе, я вижу, не взял ни крошки.

- Что же ты себе-то не отломил? - спросил я.

- Я не хочу, - ответил он.

- Но ты же голоден, я вижу: кожа, глаза да кости остались.

- Я не могу есть, пока они голодные, - сказал он. - Они еще очень маленькие и всегда хотят есть. А я потерплю, пока наши не придут.

Что-то всколыхнулось у меня в груди. Я снял свой ранец и вытряхнул всё содержимое перед парнишкой. И увидел, как он побледнел.

- Вас как звать? - спросил он.

- Курт.

- А меня Вася. Спасибо, дядя Курт.

Детишки ошалело смотрели на кучу продуктов, и я думал, что они вот-вот бросятся на них и начнут записывать себе в голодные рты хлеб, колбасу, шоколад. Но они стояли молча, глядя на продукты, на Васю, на меня. Наконец, Вася достал из-за пазухи тряпицу, разостлал её на камне, вынул из кармана штанов складнишок, взял булку хлеба, разрезал её на ломтики по количеству детишек. Потом взял кусок колбасы и сделал то же самое. Ребятишки стали подходить к нему и он раздавал им хлеб и колбасу.

- А себе, Вася, почему ты себе кусочек не оставил? - удивился я.

- Я потерплю, - сказал Вася, - я не могу есть, пока они голодные.

- Но ты же умрёшь так с голоду.

- Я не умру, я обязательно дождусь своих. И им не дам умереть, - сказал он, кивая на детей.

Я ожидал, что эти изголодавшиеся крохи мигом проглотят свои кусочки. Но то, что я увидел, потрясло меня. Они откусывали по маленькому-маленькому кусочку хлеба с колбасой и долго-долго жевали. Видимо, так учил их Вася. А одна малышка, съев примерно половину своего пайка, подошла к Васе.

- На, Вася, ешь, я наелась, больше не хочу.

Слёзы сами собой покатались из моих глаз. Я побежал оттуда, чтобы дети не видели, как я плачу.

Я увидел, как из выцветших глаз старика потекли слёзы. Он достал из куртки платок и стал вытирать их, пытаясь улыбнуться мне.

- Вот видите, как глубоко сидит, - показал он на грудь, - не могу вспоминать без слёз. Будь проклята любая война, и пусть будут прокляты вовеки те, кто развязывает войны, кто сеет вражду и ненависть между нами. Курт вытер слёзы, высморкался в платок и успокоился.

- С тех пор я стал собирать кусочки хлеба, колбасы, любые остатки пищи и носить их Васе. Мои товарищи смеялись надо мной. Они знали, что я очень любил собак. «Русских собак кормишь?» Если бы они знали, каких «собак» кормлю, меня бы, наверное, расстреляли, а их бы отправили в Германию или в концентрационный лагерь.

Когда наша часть стала отступать из города, я забежал к Васе попрощаться. Вместо семи я увидел пятнадцать малышей. Где только он их отыскал? Они сидели в подвале и что-то хлебали жидкое из алюминиевых чашек. Видимо, Вася умудрялся им что-то из чего-то варить. Я отдал ему накопленные продукты и обнял на прощанье. Он не сопротивлялся.

- Вася, как бы я хотел, чтобы у меня был такой сын, - сказал я ему.

- Дядя Курт, а вы приезжайте к нам в гости, когда кончится война и мы победим, - сказал он.

И вдруг я почувствовал, как кто-то тихо дёргает меня за штаны. Я увидел у своих ног ту малышку, что предлагала Васе свой кусок хлеба.

- Дядя Курт, возьмите подарок, - пролепетала она.

И протянула мне вот эту куклу. Видимо, самое дорогое, что у нее было. Вот она.

Курт расстегнул куртку и достал из внутреннего кармана против сердца маленькую тряпичную куколку, в какие играли ещё наши бабушки и прабабушки. Я протянул руку, чтобы взять её и рассмотреть поближе. Но Курт горячо запротестовал:

- Нет, нет, нет, я никому её в руки не даю, никому. К ней прикасались только руки той девочки и мои. Это моя святыня, мой оберег, моя память. Она постоянно со мной. Я даже спать ложусь с этой куклой. Когда я беру её в руки, то вижу глаза этой девочки: большие, голубые. И я вижу, что это не человек - это ангел во плоти.

- И что, вы приезжали в этот городок, пытались найти Васю? - спросил я.

- Да, пытался, но у кого бы я ни спрашивал - никто не знал ни про Васю, ни про ребятишек. Видно, пришли после нас русские, определили малышей по детдомам. А Васю скорее всего в госпиталь.

Я надеюсь, что он все-таки выжил. И куда его увезли, одному Богу известно. А о том, что он спас пятнадцать детей, Вася, видимо, никому не рассказывал. К тому же в вашей стране это, наверное, не такой уж исключительный случай. Если бы Гитлер был знаком хотя бы с одним таким парнишкой, как Вася, он бы никогда не пошёл воевать против России. Народ, у которого такие дети, победить нельзя.

- А как вам нравится Россия после перестройки? - спросил я.

- Совсем не нравится, - сказал Курт.- Вы становитесь похожими на нас: такими же расчётливыми, рациональными. Бабушка, которая раньше могла усадить за хлебосольный стол и истопить баньку запросто так, от души, теперь считает каждое полено. И если ты иностранец, то тебя пытаются ободрать как липку. Теперь, чтобы напитаться вашим духом, я еду все дальше и дальше от центра, в глубинку. Здесь еще жив русский дух.

Плыву я, например, на катере по Байкалу, дарю матросу значок с видом моего города, а он мне взамен снимает с рук позолоченные часы и дарит на память. Наши, европейцы, так бы никогда не сделали, а русские могут. В трамваях, автобусах, такси мне место уступают молодые люди, и я искренне рад этому.

Русский народ - особый народ. Нельзя его подминать под рынок и тем более пытаться уничтожить, как это огласила однажды госпожа Тэтчер. **Русский народ - это душа мира, это совесть мира, это дух мира. Уничтожь Россию и мир рухнет.**

Слова немца тронули меня до глубины души. Я встал, он тоже поднялся, и мы крепко обняли друг друга.

- Спасибо тебе, отец, за душевные слова про нас, за детей, за Васю спасибо.

Старик опять прослезился.

- Ну вот, подпитал и ты меня духом своим, - сказал он, вытирая слёзы. - Теперь год-два еще протяну. Мне уже скоро девяносто стукнет. Всем говорю, что мне за семьдесят. И люди верят. А я уже дни считаю. Всё надеялся Васю встретить. Каким он стал? Как сложилась его судьба? Не довелось. Теперь только там, - он

показал на небо. - Я стал часто видеть его во сне. И почему-то таким же мальчишкой, каким я видел его в последний раз.

- Долгих лет жизни тебе, отец. - сказал я.

И отвернувшись, быстро пошел вдоль байкальского берега. Я не хотел, чтобы этот человек видел мои слёзы. Русские не любят, когда их слёзы видят другие